

ОТКРЫТИЯ СВЕНА ХЕДИНА НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

«**В**се степь да степь! Вдали видны горы; дорога идет вдоль замерзшего, запорошенного снегом Урала. Кое-где виднеются киргизские юрты, но вообще кругом пустынно, расстояния между станциями огромные; однообразная тряска по твердой замерзшей дороге и монотонное позвякивание бубенчиков нагоняет дремоту». Так вспоминал начало своего путешествия в Центральную Азию известный шведский исследователь, писатель и географ Свен Хедин. А момент был знаменательный: путешественник только что пересек за рекой Урал условную границу между Европой и Азией.

В 1865 году в Стокгольме в семье архитектора Людвиг Хедина родился мальчик, которому дали имя Свен. С раннего детства он зачитывался приключенческими романами и описаниями путешествий. Это, по собственному его признанию, зажгло в нем страсть к изучению Азии. Еще юношей он решил посвятить свою жизнь путешествиям.

Студентом Стокгольмского университета, Свен Хедин совершил свою первую поездку на Восток — через Каспийское море в Персию, во время которой выучил татарский и персидский языки.

После возвращения в Европу Хедин начал изучать географию и геологию в берлинском университете Уппсала. Затем он недолго, совершенствуясь в знании языков, работал переводчиком в шведско-норвежском

посольстве при дворе персидского шаха. В 1890—1891 годах последовало новое путешествие по Азии. Проехав через Ашхабад, Мерв, Бухару, Самарканд, Ташкент, Свен Хедин достиг берегов озера Иссык-Куль, где посетил могилу знаменитого путешественника Н. Пржевальского.

Таким образом Свен Хедин подготовил себя для будущих экспедиций. В 27 лет он защитил докторскую диссертацию и завоевал известность как один из самых авторитетных востоковедов. «Азия стала моей золотой невестой», — писал он.

В октябре 1893 года Свен Хедин начал новое путешествие на Восток, которое продлилось три с половиной года. «Вся Азия была открыта передо мной. Я чувствовал, что был призван сделать много открытий — они ждут меня в самом сердце пустынь, на вершине гор, — писал он в своей книге. — Во время моего трехлетнего путешествия единственным принципом, которому я следовал — было исследование только тех регионов, которые никто из европейцев не посещал».

Перед началом путешествия Свен Хедин составил экспедиционный план, прокладывая свой маршрут по старинным караванным тропам Великого шелкового пути: «Что до снаряжения, то оно будет выполнено в Туркестане, а из Стокгольма следует взять главным образом лишь приборы и оружие. Я решил на тарантасе отправиться по хорошо уже известным мне дорогам через Туркестан в Ташкент, Коканд, Маргелан и Ош, через проход Терек-даван в Кашгар... Начнется экспедиция собственно от Оша, где прекращаются почтовые пути сообщения и начинаются

караванные пути, по которым мне предстоит пройти почти 800 шведских миль до берегов Желтого моря».

Вскоре после выезда из Оренбурга в степи путешественники встретили караван в сто верблюдов, навьюченных хлопком и представлявший весьма живописное зрелище среди этого пустынного ландшафта.

Обогнув Аральское море, путники выехали к берегам величавой Сырдарьи. Здесь в чащах по берегам реки водились туркестанские тигры, которые охотились на кабанов. В небе кружили орлы-рыболовы. Резвились стайки изумрудных шурков. Проносились осторожные газели. На каждом шагу с шумом взлетали фазаны, блестящие на солнце радужными металлическими отливами. Свен Хедин писал: «Включение на остаток пути в мое меню нежного белого мяса фазанов было самой приятной переменой, тем более, что моя провизия вообще подходила к концу».

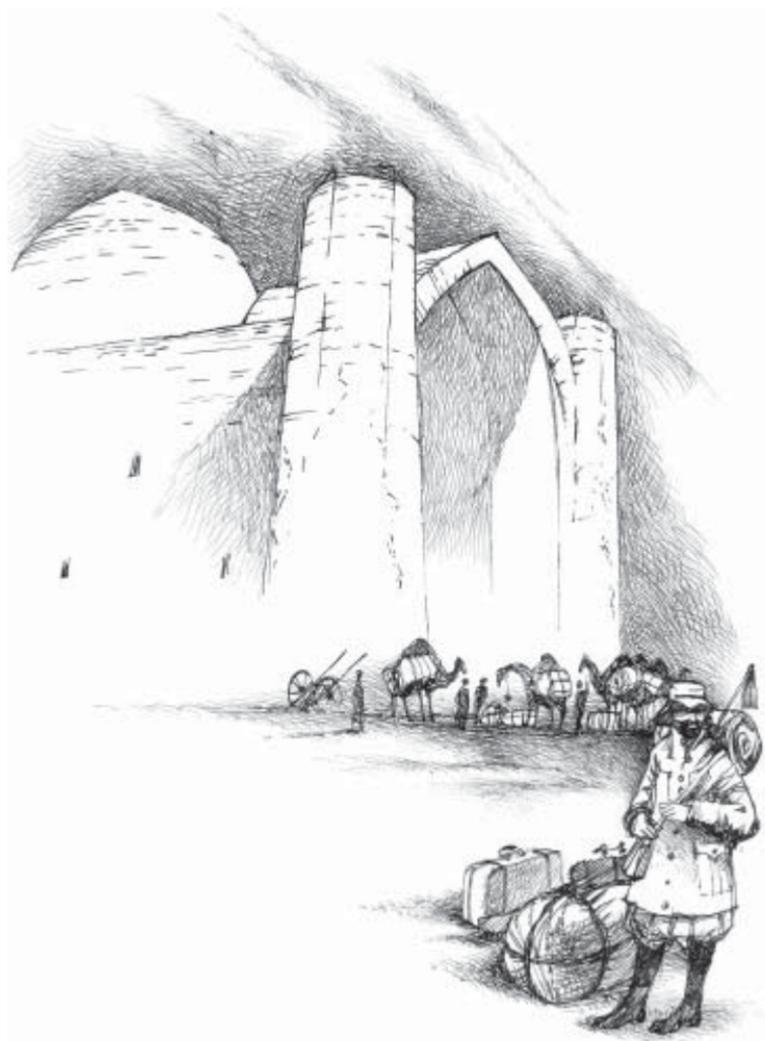
От Кызыл-Орды путешественник ехал в тарантасе, заложенном тремя верблюдами. «В пустыне колючие растения с трудом выдерживают борьбу с суровой природой. В самых сухих песчаных местах растет саксаул, принимающий самые причудливые формы, в которых вместо листьев пучки тонких желто-зеленых сочных веток. Его твердые, как кость, корни необычайной длины представляют наилучшее топливо. По земле несутся клубки перекасти-поля, суслики выглядывают из нор, прыгают, как гуттаперчевые, тушканчики. Волки, лисицы, антилопы, зайцы рыщут по бесконечному пространству. Часов около пяти ослепительное солнце исчезает, пурпурная краска сменяется фиолетовой и светло-голубой, которая

через несколько моментов переходит в ночные тени. Холодный воздух чист и ясен, звезды блестят, словно электрические лампочки».

«Наконец, показались сады Туркестана с высокими тополями, вот и гордый курган времен Темура». Путники сделали здесь остановку на несколько часов, чтобы осмотреть грандиозную мечеть-мавзолей, воздвигнутую в 1397 году Амиром Темуром в честь святого Ходжа Ахмада Яссави. В путевом дневнике Свен Хедин делает запись: «Портал мечети-мавзолея чрезвычайно высок и украшен двумя живописными башнями, а самая мечеть увенчана множеством куполов. Облицовка фасада из фарфоровых изразцов разрушилась, но боковые и задние стены прямоугольного здания уцелели и пестреют, как и в Самарканде, голубой и зеленой краской. Мечеть обнесена воздвигнутой Худояр-ханом квадратной стеной из глины».

Была пятница, и Свен Хедин посетил мечеть во время молитвы. Верующие «в цветных кафтанах и белых тюрбанах торжественно вступали под гигантские своды мечети, оставив обувь у входа. Белые стены мечети были украшены изречениями из Корана». Свен Хедин поднялся на одну из верхних галерей и оттуда наблюдал за молитвой. «Это была красивая картина, напоминавшая ночь Рамазана в Стамбуле», — отмечает он.

25 января 1894 года Свен Хедин прибыл в Ташкент, где остановился, чтобы завершить подготовку к путешествию на Памир. Путешественник, уже бывавший в Ташкенте, отмечал, что город построен в глубокой долине нижнего течения реки Чирчик. Вокруг города расположены дачи и загородные дома с садами,

которые образовывали предместья. В садах росли персики, миндаль, абрикосы, виноград и грецкие орехи. Между садами и дачами тянулись поля с хлебом и люцерной, но более с хлопком и кунжутом, много риса, шелковицы, смоковницы. Орошалась ташкентская долина и сам город каналами, отведенными из Чирчика у укрепления Ниязбек.

Город разделялся на две части каналом Анхор. На правом берегу располагался так называемый «старый город», весь в зелени садов, между которыми скрывались постройки с плоскими крышами. Над ними возвышался ярко-голубой купол мавзолея Суюнидждхана и медресе Барак-хана, пышного мемориального сооружения, построенного в начале XVI века и поражающего своими масштабами и роскошью декоративного убранства. Достопримечательностью Шейхантаура был мавзолей Юнус-хана, отличающийся аскетизмом и суровой красотой. Недалеко от перекрестка старинных дорог Чорсу на холме был виден высокий пештак медресе Кукельдаш, украшенный орнаментом из цветных изразцов и минаретами по углам главного входа. К северу от него располагалась мечеть Джамии и медресе Ходжа Ахрара. Сверкал куполом мавзолей святого шейха Абу Бакра Каффалья Шаши, умершего еще в 976 году и очень почитаемого верующими. В Бешагачской части города в окружении садов располагалось медресе Абул-Косим.

Старая часть города была издавна населена ремесленниками — кузнецами, ювелирами, гончарами, ткачами, ковроделами. Старгородские кварталы-махалли так и назывались: махалля Такачи — кузнецы,

махалля Дергез — литейщики, Эгарчи — седельщики, Укчи — отливатели пуль и т.д. Жилые дома были, как правило, одноэтажные, без окон на улицу, все двери из комнат выходили во двор. Перед дверями общий навес на столбах. Двери с резьбой, окна с частой деревянной решеткой без стекол. На зиму окна заклеивались масляной бумагой, кроме одного для выхода дыма. Огонь в домах разводили в камине, который представлял собой четырехугольную трубу с широким отверстием внизу. В стенах было много ниш, вместо шкафов.

В новой части Ташкента, отделенной от «старого города» крепостью, стоявшей на левом берегу Анхора, селились в основном русские чиновники, офицеры, промышленники и купцы, местная интеллигенция. Среди одноэтажных «европейских» построек выделялись монументальные кирпичные здания банков, крупных магазинов, мужской и женской гимназий, и особая достопримечательность города — окруженный парком дворец «ссыльного» великого князя Николая Константиновича.

Из Ташкента, запасшись провиантом и сменив верблюдов на пятерик лошадей, экспедиция направилась в Коканд. Там Свен Хедин задержался на несколько дней, осматривая замечательные архитектурные памятники этого старинного города, бывшего центра Кокандского ханства — дворец последнего правителя Худояр-хана, многочисленные мечети и медресе, в том числе крупнейшее и красивейшее из них — медресе Джами. «Его громадный четырехугольный двор, осененный тузовыми деревьями,

тополями и ивами, с минаретом, красивой покрытой пестрой живописью галереей, разрисованной крышею и резными деревянными колоннами... вмещал 86 покоев (худжр) и 200 учеников», — отметил в своих записях Свен Хедин.

Далее путь экспедиции лежал по Ферганской долине.

В Маргелане Свен Хедин нанял проводника узбека Ислам-бая, родом из Оша. Одетый в синий халат, Ислам-бай, седоватый, но крепкий, выглядел превосходно. Кроме Ислам-бая, путешественника также сопровождали погонщики верблюдов и рабочие Мухаммад-шах, Йулдаш, Косим и Йулчи.

«В Маргелане я оставил часть ненужных вещей, в том числе оренбургский тарантас и чемоданы. Вместо них купил «ягданы» — деревянные сундуки, обитые кожей, которые можно было приторочить к спине лошади или верблюда».

Из Маргелана караван пошел в Учкурган, откуда экспедицию провожали в дальний путь учкурганские «аксакалы» в парадных синих халатах и белых тюрбанах, с поясами из кованого серебра, с кривыми саблями в ножнах, окованных серебром, с большой конной свитой.

Свен Хедин писал, как многим он был обязан Ислам-баю, который «был верным спутником во всякую погоду и во всех опасностях... Он оставил свой дом и семью и спокойно последовал за мною делить неизвестную судьбу». Ислам-бай отлично ориентировался на местности, не раз выручал Свена Хедина и его спутников, находя в пустыне колодцы и

подземную воду то по наличию птичьих гнезд, то по появлению жужжащих около верблюдов оводов, то по разным растениям и другим приметам. «Мы вместе бродили по сыпучим пескам Гоби, чуть не умерли от жажды. И когда другие не выдержали, он спас мои заметки и карты. Он всегда был первым, когда надо было переходить через высокие покрытые снегом горы, верной рукой вел мой караван вброд через пенящиеся реки, оставался на посту, когда кочевники хотели напасть на нас. Без него мое путешествие не закончилось бы так счастливо. Теперь он с честью носит пожалованную ему королем Оскаром золотую медаль».

Во многих путешествиях, которые совершил Свен Хедин за свою долгую жизнь, очень редко случалось, когда все члены его экспедиций возвращались живыми. Во время караванных походов его спутники гибли в горах, безводных пустынях, от набегов воинственных кочевников.

18 марта исследователь достиг Памирского поста в Мургабе. В течение всего этого путешествия он вел географические наблюдения, собирал геологические и ботанические коллекции, делал антропологические замеры и осуществлял маршрутные гидрологические обследования. Далее путь Свена Хедина лежал через Кашгар к Лобнору, в Северный Тибет, конечным местом его следования стал Пекин. Богатые результаты этого путешествия были описаны в двух томах, изданных в Лондоне в 1898 году под названием «Через Азию», которые представляют, по словам Ю. Н. Рериха, «шедевр научной географии».

В своих научных дневниках С. Хедин по окончании этой экспедиции записывает: «Теперь стало понятно, почему в былые времена караваны с шелком из Китая в западные страны направлялись так близко от южной части Лобнора, хотя здесь приходилось переходить через страшную песчаную пустыню».

Еще раз С. Хедин посетил Среднюю Азию во время своего следующего путешествия в 1899 году, когда его путь в Тибет и Индию пролегал через Ош и Кашгар, и на обратном пути, в мае 1902 года он ненадолго останавливался в Андижане.

Сын знаменитого художника Николая Рериха, ученый-востоковед Юрий Рерих писал о Свене Хедине вскоре после смерти путешественника в 1952 году: «Много лет Свен Хедин задумывал тщательное исследование Средней Азии группой ученых разных отраслей науки. Такой новый тип экспедиции, отвечающий требованиям современного ему исследования и растущего спроса на специализацию, был в то время необходим. Этот новый тип экспедиции имел тенденцию к набору специалистов, каждый из которых отвечал бы за свою область исследований; более того, он предполагал развиваться в передвижную исследовательскую станцию, чьи работники проводят значительное время в одном регионе и организуют исследовательские базы в различных местах данного региона. Новый тип экспедиции способствует накоплению точных данных по стране и дает ученым уникальную возможность проверить и подтвердить свои результаты».

Свен Хедин совершил шесть экспедиций в Центральную Азию. Он составил карты примечательных мест на Памире, в пустыне Такла-Макан, в горах Тибета и Гималаях, исследовал флору пустынь и гидрографию бассейна озера Лобнор.

Книги Свена Хедина переводились и переиздавались на многих языках мира. Они были снабжены фотографиями, выполненными самим исследователем и представляющими исключительный научный и исторический интерес. Ученый в своих путешествиях ставил задачей «открытие новых хребтов, озер и рек, розыски следов древней культуры, могущих пролить свет на переселение народов, установление ныне брошенных караванных путей — задачи, неудержимо влекущие путешественников в эти отдаленные области».

